Сравнительный анализ эффективности зон с преференциальным режимом России и Китая в условиях волатильности глобальных рынков

Волков Виктор Иванович
аспирант кафедры экономики, Северо-Западный институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (СЗИУ РАНХиГС), vvolkov-19-07@edu.ranepa.ru,

Рондалева Тамара Владимировна
аспирант кафедры экономики, Северо-Западный институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (СЗИУ РАНХиГС), trondaleva-25@edu.ranepa.ru,

Капланян Григорий Ованесович
аспирант кафедры экономики, Северо-Западный институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (СЗИУ РАНХиГС), gkaplanyan@spbsez.ru

Предметом исследования выступают особые экономические зоны как инструмент пространственного развития и обеспечения экономической безопасности в условиях глобальной волатильности. Тема работы посвящена сравнительному анализу национальных моделей России и Китая. Цель исследования заключается в выявлении фундаментальных различий между указанными моделями и разработке рекомендаций по адаптации зарубежного опыта к российским реалиям. Методологическую основу составили сравнительный анализ, институциональный подход и метод изучения конкретных ситуаций на примере успешных территориальных кластеров.

В ходе работы доказано, что российская модель ориентирована преимущественно на внутреннее пространственное развитие, диверсификацию моногородов и импортозамещение, тогда как китайская стратегия исторически нацелена на экспортную экспансию и интеграцию в глобальные производственные цепочки. Показано, что российская система стимулирования носит преимущественно безусловный характер, тогда как в Китае преференции жестко увязываются с достижением макроэкономических показателей. Выявлено, что прямой перенос китайских практик затруднен различиями в геоэкономическом положении и институциональном дизайне.

Результатом работы стала концепция гибридной модели особых экономических зон для приграничных регионов Российской Федерации, которая органично сочетает традиционные региональные стимулы с введением экспортоориентированных индикаторов и развитием трансграничной кооперации. Область применения полученных результатов охватывает сферу государственного управления, регионального стратегического планирования и разработки инструментов привлечения инвестиций.

Сделан вывод о том, что осмысленная адаптация зарубежного опыта через внедрение гибридных форматов позволит трансформировать особые экономические зоны из локальных точек роста в системный механизм обеспечения технологического суверенитета и долгосрочной устойчивости национальной экономики в условиях санкционного давления. Это требует дифференциации критериев оценки эффективности в зависимости от геоэкономического положения конкретных территорий.

Ключевые слова. Особые экономические зоны, пространственное развитие, Китай, импортозамещение, глобальные цепочки добавленной стоимости.

В условиях высокой волатильности товарных рынков, геополитической турбулентности и санкционного давления на Российскую Федерацию с 2022 года приоритетом государственной политики становится пространственное развитие внутренних территорий. Традиционная экспортно-сырьевая модель усиливает структурные уязвимости: зависимость от внешних ценовых шоков, деградацию моногородов, отток кадров из периферийных регионов и стагнацию внутреннего спроса.

Кризис 2014–2016 годов, вызванный падением цен на нефть, и спад инвестиционной активности показали пределы сырьевой модели. Санкционный шок 2022 года усугубил диспропорции и одновременно открыл возможности для импортозамещения, переориентации на внутренний рынок и поиска новых драйверов регионального роста. Теоретической основой служит концепция «полюсов роста» Франсуа Перру: развитие возникает в отдельных точках и распространяется по каналам межотраслевых взаимодействий, порождая агломерационные эффекты, диффузию знаний и внутренние цепочки добавленной стоимости. Положения «новой экономической географии» Пола Кругмана дополняют этот подход: концентрация производства снижает транзакционные издержки и усиливает возрастающую отдачу от масштаба.

Особые экономические зоны (далее – ОЭЗ) выступают механизмом создания таких полюсов роста и трансформации региональной экономики. Их эффективность измеряется не только экспортом и числом рабочих мест, но и устойчивостью региональных бюджетов, динамикой внутреннего рынка, снижением межрегионального неравенства и способностью системы адаптироваться к внешним шокам. В условиях ограничений, затронувших отдельные российские ОЭЗ, внутреннее развитие становится основой такой устойчивости. ОЭЗ аккумулируют инвестиции, запускают межотраслевые связи, стимулируют малое и среднее предпринимательство, увеличивают налоговую базу и снижают отток населения; локализация высокотехнологичных производств сокращает логистические издержки и встраивает резидентов в национальные цепочки создания стоимости.

Актуальность развития ОЭЗ обусловлена не только задачами импортозамещения, но и долгосрочной структурной перестройкой экономики, снижением зависимости от внешней конъюнктуры и обеспечением социальной стабильности в регионах. Анализ эффективности зон и разработка рекомендаций по совершенствованию региональной политики остаются важной научной и практической задачей на стыке экономической географии, теории регионального развития и государственного управления.

Пространственное развитие

«Модель А» ориентирует ОЭЗ преимущественно на внутренний рынок и задачи пространственного развития. Зоны выступают катализаторами кластеров, инструментом диверсификации моногородов и фактором укрепления региональных бюджетов. Эффективность измеряется не столько прямым экспортом, сколько долгосрочной социально-экономической стабильностью региона: занятостью, налоговой базой и импортозамещением в условиях внешних шоков, включая санкции.

Ярким примером служит ОЭЗ технико-внедренческого типа «Санкт-Петербург», созданная в 2005 году. За 20 лет резиденты привлекли 165 млрд руб. инвестиций, создали свыше 8 тыс. высокотехнологичных рабочих мест, совокупная выручка достигла 600 млрд руб. Налоговые отчисления составили 85,3 млрд руб., из них 31,3 млрд руб. поступило в региональный бюджет. В 2025 году инвестиции резидентов выросли на 78% (до 38 млрд руб.), налоговые поступления во все уровни бюджетов – на 8% (13,6 млрд руб.). Фармацевтический кластер объединяет «Биокад», «Вертекс», «Новартис Нева» и «Фармасинтез-Норд»: предприятия обеспечивают импортозамещение лекарственных средств и формируют локализованные цепочки поставок, стимулируя логистику, информационные технологии, инжиниринг и образование.

Для моногородов ОЭЗ снижают структурную зависимость от одного предприятия. В условиях сужения экспортных рынков и ограничений на импорт технологий зоны переориентируют экономику на внутренний спрос и импортозамещение, уменьшая риски «ресурсного проклятия» и демографического оттока. Влияние на бюджет носит долгосрочный характер: первоначальные льготы (нулевой налог на прибыль в первые годы, пониженные ставки по имущественному и земельному налогам) снижают текущие поступления, однако инфраструктурные затраты окупаются. В ОЭЗ «Санкт-Петербург» бюджетные инвестиции в инфраструктуру (порядка 24 млрд руб.) уже перекрыты налоговыми поступлениями более чем в четыре раза.

Российская «Модель А» показывает эффективность ОЭЗ как инструмента внутреннего пространственного развития, импортозамещения, диверсификации моногородов и повышения устойчивости регионов. Изучение международного опыта позволяет сопоставить этот подход с альтернативными национальными моделями.

Национальная модель Китая

Национальная модель ОЭЗ Китайской Народной Республики сформировалась как механизм интеграции в мировое хозяйство. В отличие от моделей, ориентированных на внутреннее выравнивание, китайский подход с самого начала рассматривал внешнеэкономическую открытость как двигатель ускоренного роста. Зоны служили контролируемыми площадками для апробации рыночных механизмов, привлечения иностранного капитала и постепенного технологического обновления без радикальной ломки всей экономической системы. Эволюция модели шла от трудоёмкого экспортного производства на базе переработки импорта к инновационным экосистемам с высокой долей добавленной стоимости.

Начало модели относится к 1980 году, когда в рамках политики «реформ и открытости» Дэн Сяопина были созданы четыре специальные экономические зоны в провинциях Гуандун и Фуцзянь: Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу и Сямэнь. Зоны первого поколения (см. табл. 1) привлекали капитал этнических китайцев из Гонконга, Макао и Тайваня и развивали перерабатывающую торговлю. В 1981 году четыре зоны аккумулировали 59,8% притока прямых иностранных инвестиций, более половины объёма обеспечил Шэньчжэнь. Город, в 1980 году представлявший рыбацкую деревню с населением менее 30 тыс. человек, в 1980–1984 годах демонстрировал среднегодовой прирост ВВП 58%, более чем в пять раз выше общенационального показателя. В 1984 году экономико-технические зоны развития открылись в четырнадцати прибрежных городах, включая Шанхай, Тяньцзинь и Гуанчжоу. Зоны второго поколения сместили акцент со сборки к собственным технологическим компетенциям и НИОКР. Программа «Факел» (1988) создала сеть зон высокотехнологичного промышленного развития по приоритетам биотехнологий, новых материалов, электроники и энергосбережения; к началу 2000-х годов сеть охватила прибрежные и внутренние регионы.

Третье поколение связано с первой пилотной зоной свободной торговли в Шанхае (2013). К настоящему времени их число достигло 23. Эти зоны выполняют функцию лабораторий институциональных инноваций: негативный список иностранных инвестиций, либерализация финансовых услуг, цифровизация таможни, развитие сервисных отраслей. Эволюция встроена в стратегию «двойной циркуляции» (2020), включённую в 14-й пятилетний план (2021–2025): внутренний контур опирается на внутренний рынок и импортозамещение, внешний сохраняет доступ к технологиям и глобальным рынкам. ОЭЗ из площадок низкозатратного производства превратились в интеграторов внутренних инновационных цепочек и продвижения китайских предприятий в высокотехнологичных сегментах мирового разделения труда.

Таблица 1
Сравнительная характеристика поколений особых экономических зон Китая

Поколение	Период создания	Основные типы зон	Главные цели и задачи	Ключевые механизмы и инструменты	Основные результаты и эффекты
Первое	1980–1983	Специальные экономические зоны.	Привлечение иностранного капитала, организация трудоёмкого экспортного производства	Налоговые каникулы, упрощённый таможенный режим, свобода репатриации прибыли	Быстрое накопление ПИИ, взрывной рост ВВП, формирование базовых экспортных производств
Второе	1984-2000-е	Экономико-технические зоны развития, зоны высокотехнологичного промышленного развития.	Переход от сборки к созданию собственных технологических компетенций, диффузия технологий	Централизованное определение приоритетов, сочетание с локальной экспериментальной свободой, поддержка НИОКР	Широкая диффузия технологий по стране, переход к интенсивному росту, формирование высокотехнологичных кластеров.
Третье	2013 - настоящее время	Пилотные зоны свободной торговли.	Институциональные инновации, развитие современных сервисных отраслей, технологический суверенитет	Негативный список иностранных инвестиций, либерализация финансов, цифровизация таможни, «условные» преференции	Укрепление позиций в глобальных цепочках добавленной стоимости, диверсификация экспорта в цифровые услуги и зелёные технологии, реализация стратегии «двойной циркуляции»

К 2007 году основные типы зон обеспечивали около 22% национального ВВП, до 60% товарного экспорта и порядка 46% прямых иностранных инвестиций. Зоны экономико-технического развития давали около 15% национального экспорта, зоны высокотехнологичного развития – существенную долю патентов и около трети экспорта высокотехнологичной продукции. Институциональная архитектура сочетает централизованную стратегическую координацию с оперативной автономией на местах и межрегиональной конкуренцией за инвестиции и инновации.

Стратегическое руководство осуществляет Государственный совет КНР: утверждение национальных зон, приоритеты и согласованность с пятилетними планами, интеграция в стратегии «двойной циркуляции» и «Один пояс – один путь». Министерство коммерции разрабатывает стандарты, типовые положения о преференциях, ведёт мониторинг и распространяет лучшие практики. Оперативное управление возложено на административные комитеты: регистрация резидентов, утверждение проектов, распоряжение землёй, координация с таможней, налоговыми и финансовыми органами. Комитеты действуют в рамках общенациональных приоритетов. Межрегиональная конкуренция побуждает власти совершенствовать режимы. В последние годы объём и срок льгот всё чаще увязываются с экспортом, технологичностью, НИОКР и технологическим «спилловером».

Конкурентное преимущество китайской модели – встроенность зон в глобальные производственные цепочки. С 1980 года они проектировались как узлы контролируемого вхождения в международное разделение труда. Трансфер технологий эволюционировал от пассивного освоения готовых сборочных решений через совместные предприятия и субконтракты к совместным НИОКР, собственным центрам разработки и более высоким звеньям цепочек. Роль сыграли кластеры поставщиков, стажировки, миграция кадров и совместные лаборатории.

Показателен опыт провинции Гуандун (Шэньчжэнь, Гуанчжоу, Дунгуань и др.): зональная политика превратила макрорегион в центр производства продукции с высокой добавленной стоимостью – электроники, телекоммуникационного оборудования, автокомпонентов, электромобилей, аккумуляторов и солнечных панелей. В 2025 году экспорт высокотехнологичных товаров из Гуандуна превысил 1 трлн юаней (около 140 млрд долл. США) при росте более чем на 20–30% по отдельным позициям. Кластер дельты Жемчужной реки обеспечивает значительную долю национального экспорта высокотехнологичной продукции. Знания распространяются через сети субподрядчиков, миграцию специалистов и совместные исследовательские проекты.

На этапе зон свободной торговли процесс получил развитие. К 2026 году их число достигло 23. Занимая 0,4% территории Китая, в 2022 году они обеспечили 18% притока прямых иностранных инвестиций и 17% национального импорта-экспорта; в отдельные периоды 2020-х вклад в иностранные инвестиции достигал 24,3%. Зоны третьего поколения диверсифицировали экспорт в цифровые услуги, финансовые инновации, зелёные технологии и высокотехнологичное оборудование и усилили инновационную составляющую стратегии «двойной циркуляции».

Сравнительный анализ

Сопоставление моделей выявляет расхождения в стратегических приоритетах, институтах и геоэкономическом положении. Российская модель формировалась как инструмент преодоления территориальной асимметрии и создания локальных точек роста; китайская – вокруг внешнеэкономической экспансии.

Российские ОЭЗ увязаны с региональной политикой: сглаживание диспропорций, поддержка моногородов, локальные кластеры, занятость, инфраструктура и бюджетная самодостаточность. Успех оценивается по вкладу в ВРП, занятость и социальную стабильность, что отражает реалии обширной страны с территориальными разрывами. Китайская модель ставит задачи привлечения прямых иностранных инвестиций, освоения технологий и производства для мировых рынков, повышения доли высокотехнологичной продукции в экспорте и позиций в глобальных цепочках добавленной стоимости.

Российская институциональная модель децентрализована: инициатива создания зон исходит от регионов и согласовывается с федеральным центром в рамках Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ; управление ведут управляющие компании субъектов Федерации. Это учитывает региональную специфику, но затрудняет единую линию с внешнеэкономическими приоритетами. Китайская модель опирается на вертикаль: Государственный совет утверждает зоны и приоритеты, Министерство коммерции задаёт стандарты и мониторинг, административные комитеты обладают широкой оперативной автономией, что стимулирует конкуренцию провинций и тиражирование успешных решений.

В российских ОЭЗ стимулы ориентированы на снижение издержек резидентов внутреннего рынка: налоговые каникулы по прибыли, имуществу, транспорту и земле сроком до десяти лет и процедура свободной таможенной зоны. Меры слабо увязаны с экспортом и технологичностью. Китайская система стимулов комплекснее: специальные режимы для высокотехнологичных производств, поддержка совместных НИОКР, защита интеллектуальной собственности, гранты на инновации. Льготы всё чаще носят «условный» характер и зависят от экспортных и технологических показателей.

Российские критерии оценки зон носят региональный характер: инвестиции, рабочие места, вклад в ВРП и налоговые поступления, самоокупаемость. Китайские критерии – макроэкономические и внешнеторговые: вклад в национальный экспорт, прямые иностранные инвестиции, технологичность, технологический перелив и позиция в глобальных цепочках. Различия объясняются сочетанием факторов (см. табл. 2): в Китае централизация сочетается с конкуренцией провинций; в России переходный период 1990-х усилил влия-

ние региональных элит. Прибрежное положение первых китайских зон предопределило экспортную ориентацию; обширная территория России и удалённость многих регионов от портов – приоритет внутреннего развития. Китайские реформы начинались при низком уровне индустриализации; российская модель формировалась в постсоветский период на фоне необходимости быстрой стабилизации.

Таблица 2
Сравнительная характеристика российских и китайских моделей особых экономических зон.

Параметр сравнения	Российская модель	Китайская модель
Основное стратегическое целеполагание	Преодоление территориальной асимметрии, поддержка моногородов и депрессивных регионов, внутренняя социально-экономическая устойчивость субъектов Федерации	Внешнеэкономическая экспансия, интеграция в глобальные производственные цепочки, технологическая модернизация и технологический суверенитет
Институциональный дизайн	Децентрализация: инициатива регионов, управление через управляющие компании субъектов Федерации; федеральный центр – координация и надзор	Вертикаль стратегического управления при оперативной автономии на местах: Государственный совет утверждает зоны и приоритеты, Министерство коммерции координирует и мониторит
Система стимулов	Снижение издержек резидентов внутреннего рынка: налоговые каникулы до десяти лет, свободная таможенная зона; слабая связь с экспортом и технологичностью	Комплексные и дифференцированные стимулы: поддержка высокотехнологичных производств, НИОКР, защиты ИС; «условные» преференции зависят от экспорта и технологического уровня
Критерии оценки эффективности	Региональные показатели: инвестиции, рабочие места, вклад в ВРП, налоговые поступления, самоокупаемость и бюджетная устойчивость	Макроэкономические и внешнеторговые показатели: вклад в национальный экспорт, ПИИ, технологичность, технологический перелив, позиция в глобальных цепочках

Прямой перенос китайских практик затруднён различиями в централизации управления, интеграции в глобальные цепочки и внешнеполитическом контексте. В Китае Государственный совет и Министерство коммерции задают единые рамки. В России создание и оперативное управление зонами в значительной мере возложены на субъекты Федерации. Административные комитеты в Китае действуют в единой вертикали; российские управляющие компании часто находятся под влиянием региональных элит, что повышает риск «захвата» зоны локальными задачами. Китайские стимулы эволюционировали к «условным» преференциям, российский режим остаётся преимущественно безусловным.

Геоэкономические условия также различны. Успешные китайские зоны первого и второго поколений создавались в прибрежных провинциях с выходом к портам и близостью к азиатским рынкам. Российские ОЭЗ, даже приграничные, чаще удалены от основных морских маршрутов, имеют менее плотную логистику и меньшую ёмкость соседних рынков (за исключением отдельных направлений российско-китайского приграничья). Более суровый климат, меньшая плотность населения и слабее развитая социальная инфраструктура снижают конкурентоспособность по сравнению с китайскими прибрежными зонами. Китайские реформы начинались «с нуля»; российская экономика к моменту создания ОЭЗ уже имела сложившуюся промышленную структуру с доминированием крупных предприятий внутреннего рынка.

Эти барьеры не означают отказа от изучения китайского опыта, но требуют перехода от копирования к адаптации. Наиболее перспективна гибридная модель для приграничных регионов России: региональная поддержка и внутренние социально-экономические задачи сочетаются с селективным использованием экспортных и инновационных механизмов с учётом реальных ограничений территорий.

Рекомендации

ОЭЗ сохраняют потенциал как инструмент сбалансированного роста в условиях санкций и геополитической нестабильности. «Модель А» на примере ОЭЗ «Санкт-Петербург» подтверждает, что зоны привлекают инвестиции, создают рабочие места и укрепляют региональную стабильность через кластеры, диверсификацию и рост налоговой базы.

Для региональных властей Российской Федерации целесообразно реализовать следующие рекомендации:

Активно использовать ОЭЗ для развития приграничных территорий. Губернаторам целесообразно инициировать создание зон или территорий опережающего развития в приграничных субъектах с акцентом на трансграничные кластеры – логистику, агропромышленный комплекс, туризм, зелёные технологии – чтобы конвертировать географическое положение в конкурентное преимущество и снизить последствия санкций за счёт локализации производства.

Вводить дополнительные локальные льготы субъекта Федерации: продление нулевой ставки по налогу на имущество на весь период резидентства, субсидирование до 50% затрат на инфраструктуру, упрощённый доступ к региональным гарантиям и грантам на НИОКР. Приоритет – фармацевтика, микроэлектроника, IT, машиностроение.

Интегрировать ОЭЗ в стратегии развития моногородов и депрессивных территорий. Целесообразно установить требование диверсификации на уровне не менее 30–40% резидентов из новых отраслей и вести мониторинг по региональному мультипликатору инвестиций и коэффициенту бюджетной устойчивости, отдавая приоритет проектам внутреннего рынка и технологического суверенитета.

Перспективным направлением является гибридная модель ОЭЗ для приграничных регионов: традиционные региональные стимулы (инфраструктура, локальные кластеры, социальные задачи) сочетаются с экспортными показателями эффективности и логистической интеграцией в соседние рынки. Базовые льготы сохраняются для резидентов внутреннего рынка; для участников трансграничных и экспортных проектов вводятся дополнительные «условные» преференции, увязанные с объёмом экспорта в соседние страны, долей высокотехнологичной продукции, уровнем локализации и интенсивностью технологического трансфера.

Для приграничных зон целесообразно ввести режимы поддержки совместных российско-китайских и иных азиатских предприятий, ориентированных на совместные НИОКР, локализацию и общие цепочки поставщиков, а также создавать совместные технопарки и инновационные центры. Оценка должна вестись по двум группам показателей. Первая – региональные индикаторы (рост ВРП, рабочие места, налоговые поступления, инфраструктура). Вторая – экспортно-ориентированные (экспорт в сопредельные страны, доля высокотехнологичной продукции, трансграничные проекты, инвестиции из стран Азии). Вес групп может варьироваться в зависимости от положения конкретной зоны.

Федеральным органам рекомендуется дифференцировать критерии оценки зон по геоэкономическому положению, включая обязательные индикаторы экспортной ориентации и трансграничной кооперации для приграничных территорий. Для гибридных зон целесообразна смешанная система управления: управляющая компания сохраняет региональный статус, а стратегические решения по экспортной специализации и трансграничному сотрудничеству принимаются межведомственной федеральной комиссией с участием Министерства экономического развития, Министерства транспорта и профильных ведомств субъекта Федерации.

Губернаторам приграничных субъектов рекомендуется: инициировать создание специализированных приграничных ОЭЗ или трансформацию существующих зон в гибридный формат; развивать целевые отраслевые кластеры с учётом преимуществ территории (агропромышленный комплекс, лесопереработка, машиностроение, транспортно-логистические услуги, отдельные высокотехнологичные направления); привлекать китайских и других азиатских инвесторов через совместные предприятия и дополнительные гарантии; формировать региональные программы развития логистической инфраструктуры в увязке с деятельностью зон.

Реализация предложенных мер и внедрение гибридной модели позволит превратить особые экономические зоны из отдельных «точек роста» в системный инструмент пространственного развития России. В непростой геополитической обстановке внутреннее укрепление территорий становится не альтернативой глобальной интеграции, а её необходимой основой, обеспечивая экономическую устойчивость, технологический суверенитет и долгосрочную конкурентоспособность страны.

Литература

1. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (с изменениями на 2025 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599/ (дата обращения: 28.04.2026).

2. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. - Режим доступа: https://ulmeria.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/Investory/Strategiya/Rasporyazhenie_Pravitelstva_RF_ot_13_02_2019_N_207_r_red_ot_1.pdf (дата обращения: 28.04.2026).

3. Министерство экономического развития Российской Федерации. Особые экономические зоны в РФ: ежегодный обзор деятельности резидентов и инвестиционных показателей (2024-2025 гг.) [Электронный ресурс]. - М., 2025. - Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/osobye_ekonomicheskie_zony/ (дата обращения: 28.04.2026).

4. Фудзита М., Кругман П., Венейблс А. Пространственная экономика: города, регионы и международная торговля / Пер. с англ. - М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. - 496 с.

5. Симачев Ю.В., Яковлев А.А., Голикова В.В., Городный Н.А., Кузнецов Б.В., Кузык М.Г., Федюнина А.А. Российские промышленные компании в условиях «второй волны» санкционных ограничений: стратегии реагирования // Вопросы экономики. - 2023. - № 12. - С. 5-30. - DOI: 10.32609/0042-8736-2023-12-5-30.

6. Высочкина М.А. Сравнительный анализ первых СЭЗ КНР и российских ОЭЗ // Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества : Сборник статей Международного научного конгресса, Москва, 18-24 мая 2020 года. - Москва: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева, 2020. - С. 921-926. - DOI 10.46865/978-5-901640-33-3-2020-921-926.
7. Ван Сичжэ. Свободные экономические зоны Китая: особенности, опыт и перспективы: дис. канд. экон. наук / Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. - Москва, 2024. - 177 с.
8. Громова Е. А. “Greening” Special Economic Zones: Chinese and Russian Experience // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. - 2024. - P. 56-59.
9. Ермакова В. С. Сравнительный анализ особых экономических зон Китая и России // Материалы международной научно-практической конференции. Томский политехнический университет, 2015. - С. 240-244.
10. Кашин В. Б., Янькова А. Д. Приграничное сотрудничество между Россией и Китаем: глубинные препятствия развития // Проблемы Дальнего Востока. - 2022. - № 4. - С. 41-55.

A Comparative Analysis of the Effectiveness of Preferential Economic Zones in Russia and China Amidst Global Market Volatility

Volkov V.I., Rondaleva T.V., Kaplanyan G.O.
Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SZIU RANEPA)

JEL classification: H87, F02, F15, F29, F40, F42, F49

The subject of the study is special economic zones as an instrument of spatial development and economic security provision in the context of global volatility. The paper is dedicated to a comparative analysis of the national models of Russia and China. The research objective is to identify fundamental differences between these models and develop recommendations for adapting foreign experience to Russian realities. The methodological framework comprises comparative analysis, institutional approach, and case study method applied to successful territorial clusters.

The study demonstrates that the Russian model is primarily oriented toward domestic spatial development, diversification of mono-industrial towns, and import substitution, whereas the Chinese strategy has historically focused on export expansion and integration into global value chains. It is shown that the Russian incentive system is predominantly unconditional, while in China, preferences are strictly linked to achieving macroeconomic indicators. The research reveals that direct transfer of Chinese practices is constrained by differences in geoeconomic positioning and institutional design.

The outcome of the work is a concept of a hybrid model of special economic zones for the border regions of the Russian Federation, which organically combines traditional regional incentives with the introduction of export-oriented indicators and development of cross-border cooperation. The scope of application of the obtained results covers public administration, regional strategic planning, and development of investment attraction instruments.

The conclusion is drawn that meaningful adaptation of foreign experience through the implementation of hybrid formats will enable the transformation of special economic zones from local growth points into a systemic mechanism for ensuring technological sovereignty and long-term sustainability of the national economy under sanctions pressure. This requires differentiation of efficiency evaluation criteria depending on the geoeconomic position of specific territories.

Keywords. Special economic zones, spatial development, China, import substitution, global value chains.

References

1. Federal Law of July 22, 2005, No. 116-FZ "On Special Economic Zones in the Russian Federation" (as amended in 2025) [Electronic resource] // Legal Reference System "ConsultantPlus". – Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599/ (Accessed: April 28, 2026).
2. Decree of the Government of the Russian Federation of February 13, 2019, No. 207-r "On Approval of the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation for the Period up to 2025" [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. – Available at: https://ulmeria.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/Investory/Strategiya/Rasporyazhenie_Pravitelstva_RF_ot_13_02_2019_N_207_r_red_ot_1.pdf (Accessed: April 28, 2026).
3. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Special Economic Zones in the Russian Federation: Annual Review of Residents' Activities and Investment Indicators (2024–2025) [Electronic resource]. – Moscow, 2025. – Available at: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/osobye_ekonomicheskie_zony/ (Accessed: April 28, 2026).
4. Fujita, M., Krugman, P., & Venables, A. (2015). The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade (Translated from English). Moscow: Gaidar Institute Press. 496 p. [In Russian].
5. Simachev, Y. V., Yakovlev, A. A., Golikova, V. V., Gorodny, N. A., Kuznetsov, B. V., Kuzyk, M. G., & Fedyunina, A. A. (2023). Russian industrial companies in the context of the "second wave" of sanctions: Response strategies. Voprosy Ekonomiki [Questions of Economics], (12), 5–30. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-12-5-30. [In Russian].
6. Vysochkina, M. A. (2020). Comparative analysis of the first SEZs of the PRC and Russian SEZs. In Globalistics-2020: Global Problems and the Future of Humanity: Collection of articles of the International Scientific Congress, Moscow, May 18–24, 2020 (pp. 921–926). Moscow: Interregional Public Organization for the Promotion of the Study and Propagation of the Scientific Heritage of N.D. Kondratiev. DOI: 10.46865/978-5-901640-33-3-2020-921-926. [In Russian].
7. Wang Sizhe. (2024). Free Economic Zones of China: Features, Experience, and Prospects (Candidate of Economic Sciences dissertation). Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow. 177 p. [In Russian].
8. Gromova, E. A. (2024). “Greening” Special Economic Zones: Chinese and Russian Experience. Advances in Social Science, Education and Humanities Research, 56–59.
9. Ermakova, V. S. (2015). Comparative analysis of special economic zones of China and Russia. In Materials of the International Scientific and Practical Conference. Tomsk Polytechnic University, pp. 240–244. [In Russian].
10. Kashin, V. B., & Yankova, A. D. (2022). Cross-border cooperation between Russia and China: Deep-seated obstacles to development. Problemy Dalnego Vostoka [Problems of the Far East], (4), 41–55. [In Russian].